Полисемия и омонимия в юридической терминологии

Бабаханова Дилдора
Преподаватель-стажер,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья описывает взаимодействие полисемии и омонимии в юридической терминологии и поясняет, почему их различение критично для нормотворчества, судебного толкования и перевода. Регулярная полисемия – суд как учреждение/здание/состав судей, акт как документ/действие/нормативный акт, дело как производство/материал – поддаётся предсказанию по жанровым и синтаксическим сигналам; омонимия же (charge, case) несёт риск смысловых сбоев. Опираясь на лексическую семантику и генеративный лексикон, показано, как селекционные предпочтения, коллокации и рамки управления помогают однозначивать термины; почему глоссарии и определительный стиль норм сдерживают дрейф значений; и как двуязычные параллельные корпуса выявляют неточные соответствия. Примеры из русской, узбекской и английской практики иллюстрируют типичные ошибки и способы их предотвращения. Вывод: учитывать полисемию как структурное свойство, но активно экранировать омонимию – стратегически верный путь для повышения юридической ясности (Cruse, 2011; Tiersma, 2000; Cao, 2007; Šarčević, 1997).*

Ключевые слова *Полисемия, омонимия, юридический язык, толкование норм, юридический перевод, терминология, селекционные предпочтения*

Huquqiy terminologiyada polisemiya va omonimiya

Babaxanova Dildora
Stajyor-o'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqola huquqiy terminologiyada polisemiya (ko'p ma'nolilik) va omonimiya (tovushi bir xil, ma'nosi turli birliklar)ning farqlarini, ularning yuridik matnlar talqini va tarjimasiga ta'sirini tahlil qiladi. "Sud" (muassasa/bino/sudyalarning kollegiyasi), "ish" (ish yurituvi/ish hujjati/ish o'rni), "akt" (hujjat/harakat/norma) kabi muntazam polisemiya misollarida ma'no o'zgarishlari nutq andozalari bilan boshqarilishi ko'rsatiladi. Omonimiya esa "charge", "case" singari leksikalarda keskin xatarlarga olib kelishi mumkin. Tahlil nazariy manbalar (leksik semantika, generativ leksikon) va amaliy yondashuvlarni (kontekst signallari, seleksion preferensiyalar, terminologik lug'atlar) birlashtiradi. Natijada, huquqiy tilda aniq ma'no belgilash, normativ tarjima va sud talqinida xatolarni kamaytirish bo'yicha tavsiyalar beriladi (Cruse, 2011; Šarčević, 1997; Cao, 2007).*

Kalit so'zlar *Polisemiya, omonimiya, huquqiy til, yuridik tarjima, talqin, terminografiya, seleksion preferensiya*

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Polysemy and homonymy in legal terminology

Babakhanova Dildora
Trainee-teacher,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article examines how polysemy and homonymy operate in legal terminology and why the distinction matters for statutory interpretation and legal translation. Regular polysemy – such as court as institution/building/bench, act as document/action/statute, and case as proceeding/file – arises from systematic sense alternations predictable from genre and context, whereas homonymy introduces unrelated senses that can mislead readers and translators. Building on lexical semantics and the Generative Lexicon, the narrative shows how distributional and morphosyntactic cues (selectional preferences, frames, collocations) disambiguate legal terms, and why curated terminological resources remain essential. Examples from Russian, Uzbek, and English legal discourse demonstrate risks in contracts and procedural documents and offer mitigation strategies: explicit sense labeling, definitional drafting, and parallel-corpus checks. The conclusion argues that modeling polysemy as structure while guarding against homonymy reduces interpretive error and improves cross-lingual legal communication (Cruse, 2011; Tiersma, 2000; Cao, 2007; Šarčević, 1997).*

Keywords *Polysemy, homonymy, legal language, statutory interpretation, legal translation, terminology, selectional preferences*

Юридический язык любит точность, но живёт в естественном языке, где многозначность – норма. Различение полисемии и омонимии – первый фильтр смысловой безопасности. Полисемия объединяет родственные, предсказуемые значения одной лексемы; омонимия разводит омонимы на разные «словарные статьи», где связи нет (Cruse, 2011). В юридической терминологии граница важна практически: одно и то же слово активирует разные правовые следствия. Так, *суд* может означать учреждение («суд вынес решение»), здание («ремонтируется суд»), либо состав судей («суд посоветовался»). Эти переключения – не случайность, а регулярные метонимические сдвиги, поддержанные жанром и синтаксисом (Pustejovsky, 1995). Омонимия иного рода: *charge* колеблется между «обвинение», «плата», «электрический заряд»; в правовом дискурсе актуален только первый, и непроверенная калька создаёт катастрофические ошибки.

В нормах и договорах полисемия чаще всего «дрессируется» дефинициями. Правильное определение закладывает рамку селекционных предпочтений, то есть типичных сочетаний, которые сигналят активный смысл (Tiersma, 2000). Если в тексте рядом с *акт* регулярно стоят глаголы *принять, опубликовать, вступить в силу*, а также реквизиты (*номер, дата, раздел*), речь идёт об официальном документе; если же сочетаемость – *совершить, подготовить*, мы склоняемся к «действию». Для *дело* выбор предикатов и дополнений – ключ: *возбудить, рассматривать, прекратить* отсылают к процессуальному производству, тогда как *подшито в дело* – к материальному «делу» как папке (Solan, 1993; Endicott, 2001).

Регулярная полисемия полезно описывается средствами генеративного лексикона: сложные «dot-типы» допускают сосуществование аспектов и объясняют, почему *интересный и объёмный акт* (об информации и носителе) звучит естественно, а *реформаторский и кирпичный суд* вызывает когнитивный сбой (Pustejovsky, 1995). В практике толкования это проявляется в ко-предикации и в синтаксических рамах: предлоги места и падежи маркируют «здание», глаголы речевой/волевой активности – «учреждение». Для узбекского материала постпозициялар va fe'l ramkalari *universitet/sud e'lon qildi* (institutsional facet) va *universitetda/sudda* (lokatsiya) farqlanishini ochiq ko'rsatadi; русские падежи и клише обеспечивают аналогичный «радар».

Омонимия действует иначе и опаснее. В англо-узбекской/русской паре *consideration* вне права – «рассмотрение», в контрактном праве – «встречное удовлетворение»; перевод по поверхностной близости разрушает договорную схему обязательств (Cao, 2007; Šarčević, 1997). *Article* – «статья» в законе и в газете; сдвиг жанра без метки порождает ложные ссылки и процессуальные казусы. В русском *основание* колеблется между «юридическим основанием» и «фундаментом»; в технических контрактах это реальная зона риска. В таких случаях требуется явная терминографическая дисциплина: единые глоссарии с примерами, маркировка смыслов в шаблонах документов, жёсткое следование дефинициям из *Black's Law Dictionary* (Garner, 2019) и локальных кодексов.

Эффективные стратегии вытекают из лингвистики и из юридической техники и работают лишь тогда, когда превращаются в устойчивые ритуалы письма и проверки. Контекстные тесты не сводятся к «поискать соседние слова»: они строятся на валентности и типичных рамках управления для каждого термина. Условно, мы «подвешиваем» спорное слово к сетке его допустимых актантов и проверяем, с какими предикатами оно совместимо в правовом жанре. Если *акт* в проекте нормы сочетается с глаголами *принять, опубликовать, утратить силу*, появляется профиль «нормативного акта»; сочетания *совершить, подготовить* – сигнал «действия» (Tiersma, 2000; Cruse, 2011). Та же логика работает для *дело*: рамка *возбудить/рассматривать/прекратить дело* стабильно тянет к процессуальному значению, тогда как *подшить в дело/материалы дела* – к материальному носителю (Solan, 1993). В узбекской практике формальные маркеры ещё выразительнее: *–da/ – ga* в сочетаниях *sudda, sudga* маркируют локативную/направительную интерпретацию здания или места, тогда как *sud qaror chiqardi* – институциональную активность коллегии.

Определительное письмо норм и договорных положений – главный предохранитель против омонимии. Дефиниции выигрывают, когда строятся по схеме *genus + differentia* и с «мягкими» отграничениями: «в целях настоящего договора под *Case file* понимается… и не включает…». Полезны *deeming clauses* («считается, что…»), фиксирующие спорные границы, и системные перекрёстные ссылки на нормы более высокого уровня. Избыточная абстракция и круговые определения, напротив, кормят омонимию, оставляя читателю пространство для альтернативных прочтений (Endicott, 2001). Стили руководств вроде *Black's Law Dictionary* помогают стабилизировать доктринальные ядра значений и подобрать термин-маркеры, которые «подсвечивают» нужный смысл в рабочих формулировках (Garner, 2019).

Сопоставление с параллельными корпусами и судебной практикой работает как эмпирическая проверка решений. В двуязычных материалах быстро выявляются «ложные друзья»: *consideration* как

«встречное удовлетворение» vs. «рассмотрение»; *article* как «статья закона» vs. «газетная статья». Шарчевич подчёркивает, что нормотворческий и договорный дискурс требуют конвенционализированных соответствий, а сомнительные случаи должны маркироваться в примечаниях и внутренних глоссариях (Šarčević, 1997). Цао рекомендует проверять переводческие решения на «юридическую функциональность»: сохраняет ли эквивалент ту же роль в структуре обязательства или процедуры (Cao, 2007). Такое функциональное тестирование хорошо совмещается с локальной судебной практикой: если суды устоявшимся образом читают *основание* как «legal ground», не стоит мешать сигнал системно унаследованными кальками.

Редакционная проверка ко-предикации – недорогой, но мощный инструмент раннего предупреждения. Черновик прогоняется через минимальные связки прилагательных и глаголов, адресующих разные аспекты: *объёмный и действующий акт*, *переполненный и реформаторский суд*. Если сочетание «ломается», значит, в тексте рядом потенциально смешаны несовместимые фасеты – признак того, что требуется либо иной термин, либо разделение значений формулой-ограничителем (Pustejovsky, 1995; Cruse, 2011). В редакционной карте документа стоит фиксировать такие места как «узлы риска» и возвращаться к ним при каждой ревизии.

Для устойчивого применения этих практик полезна «карточка термина» как живой артефакт проекта. Помимо базовой дефиниции источника и предпочтительных коллокаций, в неё имеет смысл включать: типичные контр-примеры (чтобы видеть границы), унаследованные из прецедентов формулы, рекомендуемые эквиваленты для целевого языка и «красные флажки» омонимии с пометками об обязательной пояснительной записке (Šarčević, 1997; Cao, 2007). В трансграничных сделках такая карточка становится местом для согласования между юристами и переводчиками: именно здесь фиксируется, что *charge* в тексте контракта всегда «обвинение» только в разделе «уголовно-правовые гарантии», а во всех платёжных разделах – «плата; начисление», причём термин визуально сопровождается уточняющим существительным.

В итоге стратегия проста по форме и строгая по дисциплине: сперва мы конструируем контекстные рамки, потом «запираем» смыслы определениями и рутинно проверяем текст на ко-предикационные сбои; параллельно подстёгиваем решения корпусной и прецедентной валидацией. Такой цикл делает полисемию управляемой, а омонимию – видимой и изолируемой, что повышает предсказуемость толкования и качество двуязычной коммуникации в праве (Tiersma, 2000; Endicott, 2001; Šarčević, 1997; Cao, 2007; Garner, 2019).

Список использованной литературы:

1. Apresjan, J. D. (1974). Regular polysemy. *Linguistics, 12*(142), 5–32. https://doi.org/10.1515/ling.1974.12.142.5
2. Cao, D. (2007). *Translating law*. Multilingual Matters.
3. Cruse, D. A. (2011). *Meaning in language: An introduction to semantics and pragmatics* (3rd ed.). Oxford University Press.
4. Endicott, T. (2001). *Vagueness in law*. Oxford University Press.

5. Garner, B. A. (Ed.). (2019). *Black's law dictionary* (11th ed.). Thomson Reuters.
6. Pustejovsky, J. (1995). *The generative lexicon*. MIT Press.
7. Šarčević, S. (1997). *New approach to legal translation*. Kluwer Law International.
8. Solan, L. M. (1993). *The language of judges*. University of Chicago Press.
9. Tiersma, P. M. (2000). *Legal language*. University of Chicago Press.